

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В НОВГОРОДЕ

А. Арциховский

Возможности археологических открытий безграничны и разнообразны. В 1951 г. об этом напомнило открытие новгородских берестяных грамот, совершенно новой категории исторических источников.

Раскопки в Новгороде ведутся с 1929 года. Они дали уже огромные коллекции бытовых древностей времён вехового строя, ими обнаружены многочисленные остатки деревянных и каменных построек. Вопреки мнению буржуазных учёных доказано, что Новгород был городом не только торговцев, но и ремесленников. Установлено, что по благоустройству это был передовой город Европы, один из главных центров цветущей древнерусской культуры. Мне уже неоднократно приходилось подводить в печати итоги новгородских раскопок¹, сейчас речь идёт об открытиях 1951 года.

До сих пор раскопки в Новгороде производились почти исключительно в Славенском конце. В 1951 г. были начаты исследования на новой для Новгородской экспедиции территории, в Неревском конце. Вторым пунктом работ 1951 г. была Перынь — место святилища Перуна².

Раскопки в Неревском конце произведены на площади 324 кв. м (квадрат 18 на 18 м). Толщина культурного слоя в этом месте для Новгорода почти максимальна: она достигала 7,5 м, — тем не менее раскопки удалось довести до конца за одно лето, полностью вскрыв всю толщу отложений. Такая мощность слоя вообще встречается очень редко. Возникшие при этом технические трудности вознаграждены результатами — обилием находок и хорошей сохранностью органических веществ.

Раскопки велись около современной Дмитриевской улицы, параллельной Волхову, там, где в древности проходила Холопья улица, шедшая от Волхова. Местоположение этой улицы при довоенных археологических работах Новгородского музея намечено было неверно. Оказалось, что она была ближе к Кремлю, чем это предполагали. Холопья улица неоднократно упоминается в новгородских летописях с XII века. По убедительному предположению Б. А. Рыбакова, в XIV в. она была местом концентрации демократических группировок города, одно время заметно влиявших на новгородское правительство³.

Во время раскопок открыты деревянные уличные мостовые, сменявшие друг друга на протяжении веков. После одной мостовой открывалась другая, третья и т. д. Это объясняется тем, что по мере нарастания культурного слоя улицу мостили заново, в каждом веке несколько раз. Между мостовыми культурный слой иногда довольно толст, но обычно его почти нет, и это позволяет заключить, что улицы содержались в чистоте. Мостовая состояла из широких деревянных плах, лежавших на

¹ О довоенных раскопках см. А. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 11. 1949; «Раскопки восточной части Дворища в Новгороде», там же; о послевоенных раскопках см. «Новгородская экспедиция». «Краткие сообщения ИИМК», т. XXVII. 1949; «Раскопки в Новгороде», там же, т. XXXIII. 1950.

² Начальником экспедиции являлся автор этих строк, его заместителем — Б. А. Колчин, начальниками отрядов — Г. А. Авдусина, В. В. Седов и В. Л. Янин.

³ См. Б. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 767—776. М. 1948.

продольных лагах; всё сооружение было старательно пригнано и скреплено. Такие мостовые уже неоднократно встречались при раскопках в Новгороде; новострой было их большое количество — 25 мостовых. Самая поздняя относилась к XVI в., самая ранняя — к X веку. В процессе раскопок все окаймлявшие улицу остатки построек были соответственно разделены на 25 строительных ярусов. Обнаружены нижние венцы нескольких десятков сменявших друг друга домов, амбаров и иных построек, а также ряд дворов, замощённых то деревом, то камнем. В слое XI в. открыта деревянная мостовая площади, занимавшая значительную часть раскопа. Дерево в Неревском раскопе сохранилось прекрасно, что для Новгорода — явление обычное. Древние брёвна вполне годятся для современных построек.

Хронология указанных 25 ярусов была установлена по находкам различных предметов, возраст которых выяснен при новгородских раскопках прежних лет. Хронологическая аргументация будет в своё время развёрнута при издании материалов раскопок. Для примера коснусь здесь хронологического значения стеклянных браслетов. Их обломки являются самой частой находкой при раскопках всех древнерусских городов; среди них встречаются синие, зелёные, жёлтые, фиолетовые и т. д. Бытовали они с середины XI в. до середины XIII в., дата их многократно установлена; в Новгороде при моих раскопках на Славне она проверена по строительному слою посадника Фёдора 1335 г.; выше этого уровня их было 4, ниже — 1 105. Теперь, в Неревском раскопе, на глубине от 2,2 до 5,2 м их оказалось 437; почти все они залегали на глубине от 2,8 до 4,8 м, позволяя отнести соответственные наслоения к XI—XIII векам. Другие находки вполне подтверждают эту дату. Выше 2,2 м и ниже 5,2 м не было встречено ни одного стеклянного браслета, и это (вместе с другими данными) говорит об отсутствии перекопов.

Берестяные древнерусские грамоты до сих пор были совершенно неизвестны науке. Имелись лишь смутные сведения о применении бересты в древней Руси в качестве писчего материала. Иосиф Волоцкий писал про Сергия Радонежского: «В обители блаженного Сергия и самые книги не на хартиях писаху, но на берестех»⁴.

Но такие книги до нас не дошли, а о грамотах можно было только догадываться. Зато от XVII, XVIII, XIX вв. дошло некоторое количество книг и грамот, преимущественно сибирских, писанных на бересте. В это позднее время на бересте писали чернилами. Палеографы, касавшиеся этого вопроса, не упоминают об иных способах письма⁵. Чернилами написана и золотоордынская берестяная грамота XIV в., найденная в Саратовской области⁶.

Береста, подобно другим растительным веществам, сохраняется в земле в двух случаях: в очень сухой почве или в очень сырой. В Новгороде сыро, сохранность древесины, лыка и бересты там прекрасная, но на сохранность чернил рассчитывать при этих условиях не приходится. Именно поэтому, между прочим, маловероятны открытия при раскопках пергаменных грамот, тоже распространённых в древней Руси; пергамен сохраняется в земле, но на нём всегда писали только чернилами. К счастью, как доказали теперь раскопки, надписи на бересту наносились не чернилами, а процарапыванием.

Первая берестяная грамота была найдена 26 июля 1951 г., последняя грамота, десятая, найдена 28 августа. Можно сказать, что на несколько

⁴ «Чтения в Обществе истории и древностей российских» № 7. 1847.

⁵ См. Н. Чаев и Л. Черепнин. Русская палеография, стр. 114. М. 1947. Е. Карский. Славянская кирилловская палеография, стр. 108—109. Л. 1928; А. Соколовский. Славяно-русская палеография, курс I, стр. 30. СПб. 1901; Н. Лихачёв. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I, стр. X. СПб. 1899; В. Иконников. Опыт русской историографии. Т. I, кн. I, стр. 96—97. Киев. 1891.

⁶ «Советское востоковедение». Т. 2. 1941, табл. I—XXIV.

сот пустых берестяных свитков приходился один исписанный. Пустые свитки, ничем или почти ничем по общему облику не отличающиеся от грамот, служили поплавками или просто являлись кусками бересты; они непрерывно встречались в Неревском раскопе, вообще необычно богатом находками. Все их надо было внимательно рассмотреть, иначе мы не нашли бы ни одной грамоты.

Буквы грамот нанесены, как правило, на внутреннюю, более гладкую поверхность берёзовой коры (кроме одного случая, о котором см. ниже). При свёртывании коры в свиток эта внутренняя поверхность оказывается наружной стороной. Для грамоты берёзовая кора бралась полностью, во всю толщину. В XVII—XIX вв. было иначе: тогда «брали самый верхний, тонкий слой бересты»⁷. Различие понятно: тонкий слой необходим для письма чернилами, толстый — для процарапывания. А. И. Соболевский ошибался, думая, что древние грамоты, написанные на бересте, не дошли до нас «по причине ее крайней непрочности»⁸. Найденные теперь грамоты, безусловно, прочнее не только бумажных, но и пергаменных; дело лишь в том, что в архивах подобные частные письма и записи не хранились.

Рассмотрение букв новгородских берестяных грамот позволяет утверждать, что они были нанесены костяными орудиями: железные были бы слишком остры, деревянные недостаточно прочны. И действительно, в том же раскопе, где найдены все грамоты, удалось найти инструмент для писания на бересте. Это изогнутый и заострённый книзу костяной стержень, отполированный до блеска, с отверстием сверху, позволявшим привешивать его к поясу. На современной бересте он оставляет такие же линии, из каких состоят все буквы на грамотах.

Все грамоты найдены в виде свитков; теперь они, после промывки в горячей воде с содой, расправлены, зажаты между стёклами и в таком виде помещены в гипсовые формы, где благополучно (т. е. без новых трещин) высыхают. Эту работу провёл учёный реставратор А. В. Кирьянов. Длина грамот — от 12 до 38 см, ширина — от 2 до 13 сантиметров.

Палеографические особенности букв позволяют уточнить даты. Над этим работает член-корреспондент Академии наук СССР М. Н. Тихомиров, который вообще примет участие в издании грамот; работа его ещё не закончена. И в высшей степени знаменательно, что даты, установленные по археологическим наслоениям, неизменно совпадают с датами палеографическими. Цифры веков, публикуемые здесь, предварительны, однако существенных изменений не предвидится. Самые поздние грамоты относятся к XIV, самые древние — к XI веку.

Особо следует отметить, что находки 1951 г. ни в коей мере нельзя считать каким-либо архивом. Для этого они слишком далеко друг от друга залегали как по горизонтали, так и, что особенно важно, по вертикали. Две грамоты были найдены на самой улице, между ними было десять мостовых, то есть двухметровая толщина, сплошь заполненная деревянными настилами и нараставшая в течение трёх веков. Неизменное залегание более поздних по форме букв грамот сверху и более ранних внизу доказывает, что в землю они попадали в разное время и случайно. Это открывает самые радужные перспективы дальнейших раскопок. Перед нами не отдельная находка собрания документов. Культурный слой данного городского участка равномерно насыщен грамотами, которые и сейчас лежат в тех местах, где они были утеряны или выброшены древними новгородцами, подобно тому как теперь теряются или выбрасываются бумаги. Чем больше будет раскопок, тем больше они дадут драгоценных свитков берёзовой коры, которые станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы.

⁷ Е. Карский. Указ. соч., стр. 109.

⁸ А. Соболевский. Указ. соч., стр. 30.

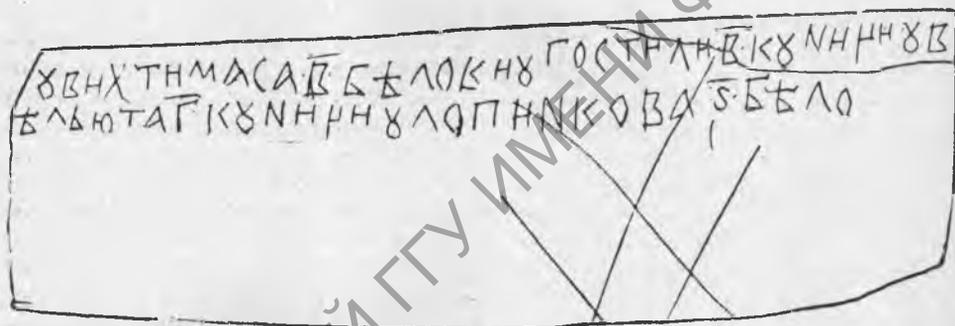
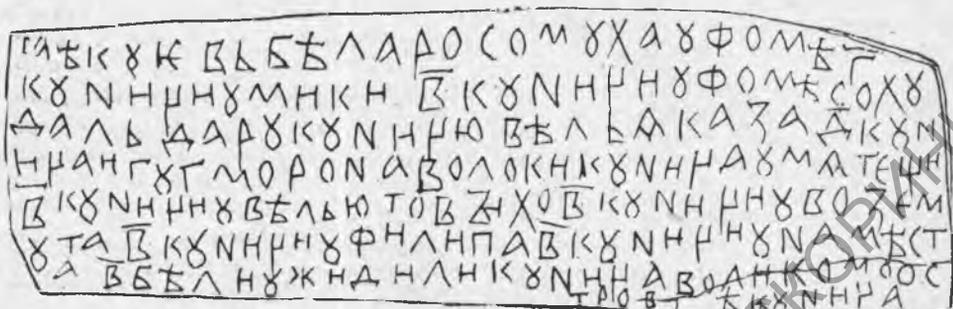
Грамоты пронумерованы по порядку находок и описываются здесь в этом порядке. Их всего десять (есть ещё свиток бересты с нанесёнными на него отдельными буквами, но он не включён в нумерацию).

Грамота № 1 найдена на глубине 2,4 м, между пятым и шестым строительными ярусами, непосредственно на мостовой. По форме букв и по залеганию она относится к XIV веку. Грамота изорвана в клочки. Очевидно, проходжий, проходя когда-то по улице, бросил эти клочки, вскоре они были перекрыты деревом при сооружении пятой мостовой и под ней сохранились. Не все обрывки грамоты дошли до нас, да при этих условиях они и не могли все дойти. Текст читается чётко, сохранилось свыше 500 букв. По содержанию — это перечень феодальных повинностей, взимавшихся с целого ряда сёл. Для повинностей здесь употреблены термины «позем» — 8 раз и «дар» — 10 раз. Эти термины в новгородских писцовых книгах XV в. упоминаются редко, как пережитки прошлого. Уже тогда они были заменены терминами «доход» и «оброк». Тринадцать раз в грамоте встречено сокращение, состоящее из трёх букв: «б», «ъ» и над ними выносное «л». Это, повидимому, означает «белок». «Позем» и «дар» исчисляются здесь в белках с разных сёл в разных размерах: 20, 26, 28, 30, 33, 38, 40, 60 белок. Это была основная валюта; оставляю сейчас в стороне вопрос, меховой или металлической являлась она в то время. В дополнение к белкам два раза названа полоть, то есть очевидно, как и в писцовых книгах, полоть мяса, и один раз союд. В грамоте упомянуты следующие названия сёл: Меново, Васильево, Овсеево, Шадрино, Ошвино, Вабиных, Мохово, некоторые другие названия не сохранились полностью. В большинстве своём эти названия встречаются и в писцовых книгах XV в., но ни в одном районе нет данной комбинации; это, впрочем, понятно: ведь грамота содержала, очевидно, перечень доходов некоего новгородского боярина, а такой боярин имел, как правило, владения в разных местах, да за сто лет и названия могли частично измениться. Новгородским феодальным повинностям XV в., исчисленным в писцовых книгах, посвящено уже множество исследований; грамота позволяет заглянуть, по крайней мере, на сто лет глубже.

Грамота № 2 найдена на глубине 2,6 м, между шестым и седьмым строительными ярусами, возле мостовой. По форме букв и по залеганию она относится к XIV веку. В отличие от первой она сохранилась целиком; только правый нижний краешек оторван, но и он найден, притом отлично сошёлся с основной частью по линии разрыва. В этой грамоте в отличие от всех остальных использована для письма и наружная поверхность бересты, загibaемая при сворачивании внутрь. Именно на ней написана большая часть текста и лишь конец на внутренней поверхности. В отличие от всех остальных эта грамота двухсторонняя. Поскольку последние строки грамоты заняли не весь оборот свитка, пустая его часть прочёркнута крестиками, чтобы никто не мог продолжить документ. Читается он отлично, только вначале, перед буквой «а», стоит неясный знак, вроде буквы «л». Текст гласит⁹: «А Екуевъ бела росомуха, у Фоме 3 куници, у Мики 2 куници, у Фоме соху даль дару куницю, Вельяказа 4 куница, Игугморо на Волоки куница, у Мятещи 2 куници, у Вельютыхо 2 куници, у Воземута 2 куници, у Филипа 2 куници, у Наместа 2 бели, у Жидили куница, Воликомо острове куница, у Вихтимаса 2 белоки, у Гостили 2 куници, у Вельюта 3 куници, у Лопинкова 6 бело». При чтении текста надо учесть, что буква «о» неоднократно соответствует здесь букве «ъ»: у Вельютыхо, белоки и т. д. Ер (ъ) в отличие от большинства других берестяных грамот здесь ни разу не встречается. Буква

⁹ При передаче текста здесь подвергаются замене отсутствующие в современном алфавите буквы; более точная транскрипция будет дана при полном издании грамот.

«о» заменяет здесь один раз и «е»; та же замена несомненна в грамоте № 10 (см. ниже); поэтому «Воликомо» означает «Великом». Имена в грамоте различны по происхождению: есть христианские: Фома, Филипп и уменьшительное Мика; есть русские: Намест, Жидило, Гостило и, может быть, Мятаща. А. И. Попов сообщил мне, что имена Вельяказ, Вельют и Вихтимас бесспорно финские; имя Игугмор, возможно, тоже финское;

0 1 2 3 4 5 см.

Грамота № 2.

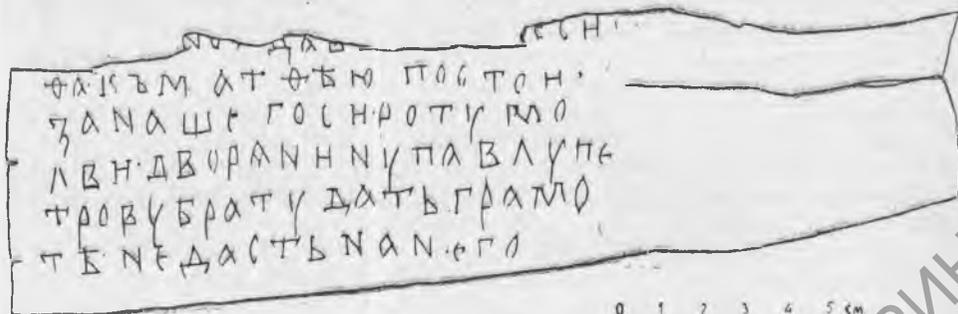
происхождение имени Воземут спорно. Содержание грамоты вызовет, вероятно, различные толкования. Возможно, что это запись должников, составленная ростовщиком. Формула «у такого-то столько-то», повторённая много раз, говорит в пользу этого предположения. Куницы и белки составляли новгородскую валюту до денежной реформы 1410 г. (спорно, меховую или металлическую). Но упоминание «белой росомухи» противоречит этому толкованию. По справке, которую дал мне Б. А. Кузнецов, белые россомахи (альбиносы) встречаются, хотя и очень редко; мех россомахи ценен. Возможно, что грамота является записью мехоторговца.

Грамота № 3 найдена на глубине 2,5 м, между пятым и шестым строительными ярусами, вдалеке от мостовых и от построек. По форме букв и по залеганию она относится к XIV веку. От неё оторвана правая половина первой строки, вторая цела, третья тоже может быть прочтена полностью, хотя нижние части нескольких букв оторваны. Текст гласит: «Поклонъ от Грикиши къ Есифу. Приславъ Онанья мол... Язь ему отвечалъ: не рекль ми Есифъ варити перевары ни на кого. Онъ прислал къ Федось: вари ты пивъ, седишь на безатьшине, не варишь жита».

Итак, перед нами письмо — первое в истории науки древнерусское частное письмо; за ним при тех же раскопках последовали и другие. Слово «перевары» встречается в летописях, в том числе и в выражении «варити

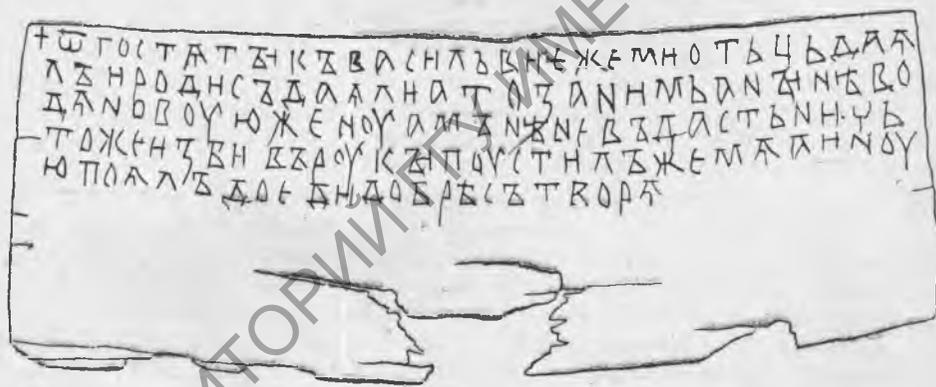
оказывается, к XIII веку. № 7 не имеет имени автора и адресата; там упоминаются сорок лисиц; письмо, повидимому, написано мехоторговцем.

Грамота № 8 найдена на глубине 4,42 м, между пятнадцатым и шестнадцатым строительными ярусами, непосредственно на мостовой; по фор-

Грамота № 5.

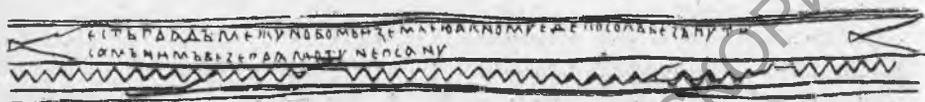
ме букв и по залеганию относится к XI—XII векам. Письмо, очевидно, было потеряно прохожим; вскоре оно оказалось под слоем дерева при сооружении пятнадцатой мостовой. Эта грамота по сравнению с остальными сохранилась плохо; все остальные читаются хорошо, а эта из-за расслоения волокон бересты пока целиком не прочтена. Это — тоже письмо, дошло оно до нас полностью. Три раза в нём упоминается корова.

Грамота № 9.

Грамота № 9 найдена на глубине 4,56 м, между шестнадцатым и семнадцатым строительными ярусами, возле мостовой; по форме букв и по залеганию относится к XI веку. Эта древнейшая из грамот отличается наилучшей сохранностью и наибольшей чёткостью. Текст гласит: «От Гостяты къ Васильви. Еже ми отъць даяль и роди съдаяли, а то за нимь. А ныне, вода новую жену, а мъне не въдасть ничьтоже. Изби, въ руки пустиль же мя. А иную пояль. Доеди, добре сътворя». Имя Гостята родственно новгородским летописным именам Гостилец и Гостомышл. Имена с окончанием на «ята» часто встречаются в новгородских летописях XI—XII вв., позже они становятся редки. Слова «роди съдаяли» означают, вероятно, «родные также дали». Выражение «водити жену» имеется в церковном уставе Ярослава XI в. и в уставной грамоте Ростислава Мстиславича 1150 г.; слово «водимая» означает жену в летописном рассказе

о Владимире I. Не совсем понятны слова «в руки пустил». Глагол «поять» в смысле «взять в жены» летописи, в том числе новгородские, употребляют неоднократно в XI—XII вв., говоря о княжеских браках, начиная от Владимира I, в том числе о свадьбах Мстислава Владимировича и Святослава Ольговича с дочерьми новгородских посадников. После XII в., судя по словарю И. И. Срезневского, этот глагол имел форму «понять». Содержание этого древнейшего частного письма можно понять следующим образом. Гостята жалуется на своего отца, женившегося на двух новых жёнах и отнявшего по этому случаю у него имущество. Отец здесь является носителем традиций большой семьи, патриархально распоряжаясь имуществом её членов. Сын опирается на новые, городские нормы, требуя отдельного владения. Он обращается к некоему Василию, надеясь, что тот придет, сотворив добро, то есть поможет. Здесь мы имеем возможность познакомиться с разговорной речью XI века.

Грамота № 10.

Грамота № 10 обнаружена после других, но по возрасту сравнительно молода, она найдена на глубине 2,45 м, между пятым и шестым строительными ярусами, возле мостовой; по форме букв и залеганию относится к XIV веку. Строго говоря, это не грамота, а надпись на берестяном цилиндрическом ободке, замкнутом и окаймлённом берестяной каёмочкой и зубчатым узором; ободок этот совершенно цел. Буквы на него нанесены совершенно так же, как на все грамоты. Текст сохранился целиком. Он гласит: «Есть градъ между нобомъ и землею, а к ному еде посолье безъ пути, самъ-нимъ везе грамоту непсану». Буква «о» здесь дважды заменяет «е» (нобом, ному). Может быть, отмечена древнерусская форма «непсану» вместо «неписану». Возможно, что перед нами загадка; разгадки возможны различные (облако, луч, радуга или гнездо, птица, песня и т. д.). Во всяком случае, этот поэтический текст говорит о том, что береста может сохранить и произведения древнерусской литературы.

Грамоты ценны не только как исторические источники. Филологи, несомненно, используют их при изучении истории русского языка, тем более, что речь здесь не книжная и не канцелярская, а самая непринуждённая. Надо полагать, что берестяные грамоты будут найдены не только в Новгороде, но и в других русских городах, где сохраняются дерево и береста, например, в Ладоге, Белоозере, Вологде, а может быть и в Москве, а также в некоторых польских и чехословацких городах. Новгородские находки интересны и тем, что они опровергают распространённый предрассудок, будто грамотность в древней Руси была привилегией духовенства. Рядовые новгородские горожане пишут друг другу письма по вопросам, относящимся к их быту, и писем этих было много, судя по случайным находкам в разных слоях небольшого раскопа.

Широкое распространение грамотности в Великом Новгороде доказывается и надписями на предметах, преимущественно деревянных. Такие находки были обнаружены и при прошлых раскопках; они позволяют утверждать, что грамотны были не только граждане, метившие имущество своими именами и инициалами, но и те, для кого эти пометки предназначались. В 1951 г. были найдены надписи различных новых типов.

На бревне нижнего венца сруба XIV—XV вв. оказалась большая буква «А», вырубленная тремя ударами плотницкого топора. Это славянская цифра I. На Руси издревле был распространён обычный перевести готовые срубы в разобранном виде и собирать их на новом месте. Венцы при этом метились зарубками, число которых означало номер венца; так было до XX века. Но в древнем Новгороде грамотный плотник для грамотных плотников метил венцы цифрами.

В слое примерно XII в. найдена деревянная крышка кадушки с надписью. Первая буква — большое глаголическое «М», затем следуют кирилловские «н» и «ь». Смешение глаголических и кирилловских букв в Новгороде вообще известно (книга попа Упыря Лихого, надпись Софийского собора). Слово «мнь» можно читать «мень», что значит налим. Таким образом, древний общеславянский алфавит, глаголица, применялся новгородцами и в домашнем хозяйственном быту. Надпись заставляет предположить, что несколько кадушек с солёной рыбой стояли рядом и, чтобы их различать, на крышках были надписи.

В том же слое найдена медная узкая пластинка с латинской надписью; в ней несколько отверстий для мелких гвоздиков; пластинка прикреплялась к деревянному или костяному предмету; с обоих концов она обломана. Надпись гласит: «...t me Buris ab...» Слова разделены двоеточиями. Слово «me» — «меня» — даёт опору для реконструкции текста. Это подпись к изделию, а на подобных средневековых подписях встречаются слова «fecit me». Перевести можно: «сделал меня Бурис от...» А. И. Смирницкий сообщил мне, что имя Бурис не может иметь ни германского, ни вообще западноевропейского происхождения. Это, очевидно, русское имя Борис. Переход «о» в «у» постоянно встречается в германских языках, через посредство которых на Русь могла проникнуть латинская грамота; тем более этот переход понятен для русского неударного «о». В 1436 г. новгородский посадник Борис назван в немецкой грамоте Buritze. Имя Борис у западных славян не встречается. Есть все основания полагать, что автором этой надписи был новгородец.

Затем в том же слое найдена моржовая кость. На ней надпись «Домо»; заглавное «Д» имеет узорную форму. Это, — очевидно, сокращение имени владельца; в Новгородской летописи XIII в. есть имя Доможир, в псковских актах того же времени — имя Домослав. Владелец расписался на диковинной и красивой кости, привезённой с далёкого моря.

В слое X — XI вв. найден тщательно сделанный деревянный цилиндр (длина — 9 см, ширина — 6 см) с двумя взаимно перпендикулярными сквозными каналами; на нём надпись и знак киевских великих князей. Надпись гласит: «емця гривны 3». Емцы упоминаются в Русской Правде, где сказано: «а от 12 гривну емцю 70 кун». Н. И. Ланге так толкует этот термин: «Емцы, или мечники, без сомнения, были лица, состоявшие при посадниках для имання, т. е. для представления к суду, но не одних только татей, а вообще обвиняемых»¹⁰. Емец получал определённый процент от судебных взысканий; при счёте 25 кун на гривну 70 кун от 12 гривен составляют 23%. Княжеский знак, изображённый на этом предмете, является как бы зеркальным изображением того варианта знака, который

¹⁰ «Правда Русская». Т. 2, стр. 262. М.-Л. 1947.

исследователями приписывается Олегу Святославичу¹¹. Этот князь в Новгороде не жил; там княжили его братья Глеб и Давид.

Деревянных предметов в Неревском раскопе вообще множество; обзор их занял бы очень много места. Упомяну вёсла, детали прядильных и ткацких станков, блоки от подъёмных механизмов, чаши, ложки, ковши, лопаты, санные полозья, двери. Много художественных изделий: жезлы, покрытые пышными растительными узорами, большой шаровидный предмет с ритмичными геометрическими узорами, деревянная пробка, увенчанная ботанически точными изображениями болотных растений. Есть скульптурные кони. Имеются детские игрушки — кукла, лодка и т. п.

В художественном отношении наиболее замечательна костяная бляха, изображающая пьющую из кубка русалку с распущенными волосами. Есть предметы церковного искусства, среди них наиболее хороша каменная плитка с рельефной фигуркой богородицы. Среди женских украшений хорошо представлены встречаемые в новгородских курганах типы предметов, в том числе есть целое ромбоцитковое височное кольцо, наиболее для этих курганов характерное. Много найдено свинцовых печатей, государственных и частных, с эмблемами и надписями; некоторые из них представляют для науки новость.

Среди железных вещей имеются сошники, серпы, топоры, скобели, молотки, стрелы, копыя и т. п. Наиболее интересна большая плотницкая пила-ножовка, найденная в слое примерно XI в.; самое применение пил в Новгороде было до сих пор спорным. Древнерусская ножовка найдена вообще впервые. Железная гиля, встреченная в том же слое, весит ровно 6 фунтов и лишний раз подтверждает широкое распространение этой меры веса в древней Руси. Значение данной находки этим не ограничивается. Это самая тяжёлая из найденных поныне древнерусских гирь. Судя по железной её петле, она предназначалась для бытовавших на Руси весов так называемого римского типа. С её помощью на таких весах можно было весить груз по меньшей мере 40-кратный, то есть в 6 пудов.

Любопытные выводы позволяют сделать находки грецких орехов. Они встречались в Новгороде и ранее, притом всегда в нижних слоях. Теперь их оказалось сравнительно много, и связь с нижними слоями установлена точно. Их 20, из них лишь 1 найден в слое примерно XV в. и 19 в слоях X—XI вв. на глубине 4,6—6,2 метра. Это и понятно: в X—XI вв. особенно интенсивно действовали днепровский путь в Крым и Грецию и волжский путь в Среднюю Азию и Иран.

В огромном количестве в результате Неревского раскопа обнаружены хлебные зёрна. Их несколько десятков пудов. Зерно взято полностью, и изучение его займёт много лет. Не только можно будет изучить самые сорта ржи, пшеницы, ячменя и проса разных эпох: видовые определения примешанных к злакам сорняков позволят высунуть разные агрономические варианты переложной и подсеменной систем земледелия.

Второй раскоп, как говорилось выше, был заложен за городом, в Перыни. По площади он был гораздо больше Неревского, заняв 892 кв. м, но потребовал меньших сил, так как слой там тоньше, в среднем 2—3 метра. Дерево там в отличие от Новгорода вовсе не сохранилось. Верхняя часть слоя содержала 16 полуземлянок XI—XIV веков. Здесь были обнаружены свинцовые печати, металлические украшения, железное оружие, стеклянные браслеты и многое другое. Ниже залегал слой IX—X вв., хорошо датированный типичной керамикой этого раннего времени. По керамике можно утверждать, что Перынь была заселена раньше, чем Новгород.

¹¹ См. А. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. «Известия» Академии наук № 3. 1930, стр. 101 и 107; Б. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси «Советская археология» № VI. 1940, стр. 232—233.

В основании слоя оказалось своеобразное и величественное сооружение. Оно выяснено лишь в плане вследствие полного отсутствия дерева. Это правильный круг, ограниченный кольцевидным рвом. Ширина рва на всём протяжении — 6 м, не считая ряда небольших дугообразных выступов снаружи; глубина — больше 1 метра. В нём из находок встречается только та же ранняя керамика: она подтверждает дату — IX—X века. Диаметр круга, включая ров, — 33 м; не считая рва, — 21 метр. Точно в центре круга оказалась яма от большого деревянного столба. Диаметр ямы вверху — 1 м, в основании — 0,6 м, глубина — 1 метр. Объяснение всего сооружения не вызывает сомнений. Здесь, в Перыни, на живописном холме, в месте, где Волхов вытекает из Ильмена, стояла, по словам 3-й Новгородской летописи, статуя Перуна. Летописный рассказ теперь подтверждён. Сооружение, явно не жилое, не может иметь ни оборонительного, ни хозяйственного значения. Оно поражает своей правильной формой и хронологически соответствует летописным данным. Толстый столб точно в центре являлся основанием деревянного Перуна, который, по тому же летописному известию, был срублен («посечен») в 988 г. и плыл тогда вниз по Волхову мимо Новгорода. Таким образом, впервые удалось археологически исследовать один из важнейших центров древнерусской религии.

Продолжение новгородских раскопок приобретает теперь особое значение. Культурный слой в Новгороде, по крайней мере, в Неревском конце, настолько насыщен берестяными грамотами, что общее их число на этой большой территории надо исчислять тысячами, если не десятками тысяч: ведь вскрыта ничтожная часть этой территории, меньше, чем десятитысячная часть. Перед нами неограниченные возможности познания новгородской истории. Если удастся развернуть достаточно крупные раскопки, береста даст много новых для науки неопределённых сведений о быте и нравах Великого Новгорода, о его ремесле и торговле, о культуре и литературе, о государственном устройстве и событиях политической истории. Древние новгородцы, участники новгородского веча, сограждане Садко и Василия Буслаева, сограждане великих воинов и великих художников, заговорят с нами тысячами голосов.
